

ЗЕЛЁНЫЙ ПЕРЕХОД КАК ФАКТОР ИНКЛЮЗИВНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И СОКРАЩЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В УЗБЕКИСТАНЕ

Утегенова Зухра Куатбаевна

Независимый исследователь

E-mail: utegenovazuhra48@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается потенциал зелёного перехода как фактора инклюзивного экономического роста и сокращения социального неравенства в Узбекистане. Исследуется не только влияние декарбонизации, возобновляемой энергетики, энергоэффективности и водосбережения на производительность и инвестиции, но и вопрос распределения выгод и издержек преобразований между территориями и социальными группами. На основе государственных документов и материалов Всемирного банка систематизированы каналы возможного воздействия зелёных инвестиций на занятость, доступность базовых услуг, устойчивость доходов и экономические возможности уязвимых домохозяйств. Предложен подход к оценке зелёных проектов, сочетающий экологические, экономические и социальные критерии. Отдельно подчёркивается, что приведённые прогнозные макроэкономические показатели не доказывают фактического сокращения неравенства: для такой оценки необходимы специальные распределительные данные. Результаты обосновывают применение пятигрупповой системы критериев и двухэтапной процедуры оценки при отборе, финансировании и мониторинге зелёных проектов в регионах.

Ключевые слова: зелёный переход, инклюзивный рост, социальное неравенство, справедливый переход, занятость, снижение бедности, циркулярная экономика, энергоэффективность, Узбекистан.

Annotatsiya

Ushbu tadqiqotda O'zbekistonda yashil iqtisodiyotga o'tishning inklyuziv iqtisodiy o'sish, bandlik imkoniyatlarini kengaytirish va ijtimoiy tengsizlikni qisqartirishdagi salohiyati o'rganilgan. Energetika, suv resurslari va ishlab chiqarish tizimlarini modernizatsiya qilishning iqtisodiy samarasi bilan bir qatorda, ushbu samaralarning aholi guruhlari hamda hududlar o'rtasida taqsimlanishi masalasi tahlil qilindi. Rasmiy davlat hujjatlari va Jahon banki materiallari asosida qayta tiklanuvchi energiya, suvni tejash, resurs samaradorligi, yashil moliyalashtirish va sirkulyar yondashuvlarning bandlik, xizmatlardan foydalanish va aholining iqtisodiy barqarorligiga ta'sir kanallari tizimlashtirildi. Yashil loyihalarni baholashda ekologik va investitsion ko'rsatkichlar bilan bir qatorda inklyuzivlik mezonlarini qo'llash taklif etiladi. Keltirilgan sonli baholar ijtimoiy tengsizlikning kamaygani haqidagi bevosita dalil emas, balki inklyuziv siyosatni ishlab chiqish uchun iqtisodiy imkoniyatlarni ifodalaydi. Natijalar yashil loyihalarni tanlash va monitoring qilishda besh guruhli mezonlar tizimi hamda ikki bosqichli baholash tartibini hududlarda yashil loyihalarni moliyalashtirishda ham qo'llash maqsadga muvofiqligini ko'rsatdi.

Kalit soʻzlar: yashil oʻtish, inklyuziv iqtisodiy oʻsish, ijtimoiy tengsizlik, bandlik, kambagʻallikni qisqartirish, sirkulyar iqtisodiyot, resurs samaradorligi, qayta tiklanuvchi energetika, Oʻzbekiston.

Abstract

This paper examines the potential of the green transition to foster inclusive economic growth and reduce social inequality in Uzbekistan. Alongside the macroeconomic effects of decarbonization, renewable energy, energy efficiency and water conservation, it addresses how transition costs and benefits may be distributed across regions and population groups. Drawing on national policy documents and World Bank materials, the paper identifies pathways through which green investments may influence employment, access to essential services, household resilience and economic opportunities for vulnerable groups. It proposes an integrated appraisal framework encompassing environmental, economic and social outcomes. The macroeconomic projections reproduced from the source documents should not be interpreted as direct evidence of reduced inequality; distributional evaluation requires additional household- and region-level data. The results support a five-group set of criteria and a two-stage appraisal procedure for selecting, financing and monitoring green projects in the regions.

Keywords: green transition, inclusive growth, social inequality, just transition, employment, poverty reduction, circular economy, energy efficiency, Uzbekistan.

ВВЕДЕНИЕ

Усиление климатических рисков, рост потребности в энергетических и водных ресурсах и необходимость повышения производительности формируют для Узбекистана комплексную задачу структурной модернизации. Вместе с тем устойчивость экономического роста определяется не только его темпами, но и тем, насколько создаваемые возможности доступны различным группам населения. Если выгоды от технологического обновления преимущественно концентрируются в отдельных секторах и территориях, общий экономический результат может сопровождаться сохранением либо усилением социально-экономических диспропорций.

Всемирный банк характеризует экономику Узбекистана как энерго- и ресурсоёмкую и указывает, что отсутствие достаточных мер адаптации к изменению климата может привести к тому, что к 2050 году объём экономики окажется приблизительно на 10% ниже соответствующего сценария с адаптацией [11]. Эта оценка отражает макроэкономический климатический риск; она не характеризует напрямую динамику бедности или распределение доходов. Тем не менее снижение уязвимости к природно-климатическим ограничениям может иметь особое значение для сельских территорий и домохозяйств, доходы которых зависят от сельского хозяйства и стоимости базовых ресурсов.

В рамках исследования инклюзивный рост понимается как увеличение экономических возможностей, сопровождаемое расширением доступа к занятости, инфраструктуре и результатам развития. Справедливый зелёный переход предполагает не автоматическое равенство выгод, а целенаправленное

сочетание экологической модернизации с социальной защитой, переподготовкой работников, поддержкой малого бизнеса и учётом территориальных различий. Циркулярные решения - сокращение отходов, повторное использование материалов и продуктивное вовлечение вторичных ресурсов - рассматриваются как дополняющее направление, способное формировать местные экономические связи.

Цель исследования - раскрыть основные экономические и социальные механизмы влияния зелёного перехода на инклюзивное развитие Узбекистана и предложить критерии отбора проектов с учётом сокращения неравенства. Используются системный и сравнительный анализ, группировка механизмов воздействия и аналитическое обобщение официальных документов и опубликованных оценок. Работа носит концептуально-аналитический характер; причинное влияние мер на неравенство не оценивается эконометрически.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Понятие инклюзивного роста в экономической литературе связывается не только с темпами увеличения производства, но и с его структурой. Е. Янчовичина и С. Лундстрём предложили рассматривать рост как инклюзивный, если он охватывает широкий круг секторов и вовлекает значительную часть рабочей силы, а главным каналом повышения доходов считать производительную занятость [4]. Всемирный банк перенёс эту логику на экологическую повестку: в докладе об инклюзивном зелёном росте показано, что экологическая политика должна быть эффективной, чистой и устойчивой к шокам и одновременно учитывать интересы бедных слоёв населения, для которых издержки перехода наиболее ощутимы [10].

Связь климатических рисков с бедностью подробно рассмотрена в работе С. Аллегатта и соавторов. Они показали, что климатические шоки сильнее затрагивают малообеспеченные домохозяйства, поскольку те располагают меньшими активами и чаще зависят от сельского хозяйства, а быстрое и инклюзивное развитие, учитывающее климатические риски, способно существенно снизить эти потери [2]. Отсюда следует, что меры адаптации и декарбонизации имеют распределительное измерение.

Концепция справедливого перехода сформировалась как ответ на вопрос о том, кто выигрывает и кто несёт издержки низкоуглеродной трансформации. П. Ньюэлл и Д. Малвани рассматривают справедливый переход как политико-экономическую проблему, в центре которой находятся интересы работников и территорий, зависящих от традиционных отраслей [7]. Р. Хеффрон и Д. Маккаули предлагают понимать его как справедливое и равноправное движение к низкоуглеродной экономике, объединяющее распределительный, процедурный и восстановительный аспекты справедливости [3]. Обзор С. Марканен и А. Ангер-Крави показал, что климатические меры без сопутствующих социальных инструментов могут усиливать неравенство через рост цен на энергию и изменения на рынке труда [6]. Метаанализ Н. Олендорфа и соавторов подтвердил, что распределительные последствия углеродного

ценообразования зависят от уровня дохода страны, структуры потребления и способа использования полученных средств [8].

Отдельное направление исследований посвящено зелёной занятости. А. Боуэн и соавторы установили, что большинство изменений связано не с появлением принципиально новых профессий, а с преобразованием требований к навыкам в уже существующих, что повышает значение переподготовки [1]. Ф. Вона и соавторы показали, что экологическое регулирование увеличивает спрос на инженерные, технические и управленческие компетенции [9]. Циркулярная экономика анализируется преимущественно через принципы сокращения, повторного использования и переработки ресурсов; при этом, по данным анализа 114 определений, социальная справедливость упоминается в них редко [5].

Применительно к Узбекистану основные оценки содержатся в материалах Всемирного банка, где рассмотрены климатические риски, потребности в инвестициях и выгоды декарбонизации [11]; [12], а также возможности государственных фондов и финансовых институтов по привлечению частного капитала в климатические проекты [13]. Вместе с тем распределительные последствия этих мер для домохозяйств и регионов в доступных публикациях раскрыты слабо, что и определяет направленность настоящей статьи.

МЕТОДОЛОГИЯ

Исследование построено как концептуально-аналитическое. Информационную базу составили Указ Президента Республики Узбекистан о Государственной программе на 2025 год [14], доклад Всемирного банка о климате и развитии Узбекистана [11], сопровождающий его пресс-релиз [12] и доклад о государственных фондах для климатических действий [13]. Из этих документов отобраны количественные ориентиры и оценки, относящиеся к энергетике, водному хозяйству и декарбонизации.

Анализ выполнен в три этапа. На первом этапе методом контент-анализа выделены направления зелёного перехода и экономические механизмы, через которые они влияют на производство, инвестиции и занятость. На втором этапе каждому механизму сопоставлено условие, при котором его эффект может распространяться на уязвимые группы и отстающие территории; результат группировки представлен в таблице 1. На третьем этапе количественные ориентиры из официальных источников сведены в таблицу 2 и дополнены вопросами, на которые должна отвечать оценка их социальной результативности.

Теоретической основой для построения критериев послужили подходы инклюзивного роста [4], инклюзивного зелёного роста [10] и справедливого перехода [3]; [7]. Показатели из разных источников не суммировались и не сопоставлялись как фактические результаты, поскольку они относятся к различным сценариям и горизонтам. Причинное влияние мер на неравенство эконометрически не оценивалось: для этого требуются домохозяйственные и региональные данные, которые в использованных источниках отсутствуют.

АНАЛИЗ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Экономические механизмы зелёного перехода и их инклюзивный потенциал

В энергетике зелёный переход связан с диверсификацией генерации, модернизацией сетей и сокращением энергоёмкости. По материалам Всемирного банка, на энергетический сектор приходится около 75% выбросов парниковых газов Узбекистана [11]. Поэтому повышение энергетической эффективности имеет одновременно климатическое и экономическое значение. Для инклюзивности принципиален дополнительный вопрос: уменьшаются ли расходы на энергетические услуги у социально уязвимых потребителей, насколько надёжным становится снабжение отдалённых населённых пунктов и каким образом распределяются инвестиционные преимущества.

Расширение возобновляемой энергетики формирует спрос на строительство, техническое обслуживание, оборудование и профессиональные компетенции. Однако появление новых производств само по себе не гарантирует доступности рабочих мест для местных жителей. Положительный социальный результат требует программ подготовки кадров, прозрачного найма, участия региональных поставщиков и доступных условий входа для малых предприятий. В отдельных случаях дополнительно необходима адресная поддержка работников, чьи профессиональные навыки утрачивают актуальность в процессе модернизации.

Водосбережение представляет особую значимость для сельской экономики. Снижение потерь воды, обновление ирригационной инфраструктуры и адаптация сельскохозяйственного производства могут поддерживать устойчивость урожайности и доходов. Вместе с тем приобретение новых технологий связано с первоначальными расходами. Следовательно, доступ малых фермерских хозяйств к финансированию, техническому консультированию и совместной инфраструктуре становится одним из условий распределения выгод от ресурсосбережения.

Циркулярные подходы дополняют эту логику: развитие сортировки и переработки отходов, ремонта оборудования, повторного применения материалов и более эффективного использования биоресурсов способно расширить возможности локальной занятости и предпринимательства. Для Узбекистана такие направления заслуживают отдельной проектной оценки с учётом экономической окупаемости, безопасности труда и экологического эффекта. При этом в исходной статистической базе статьи отсутствуют показатели занятости непосредственно в циркулярных отраслях, поэтому количественная оценка данного канала остаётся задачей дальнейшего исследования.

Основные направления зелёного перехода, их экономические механизмы и условия инклюзивного эффекта обобщены в таблице 1.

Таблица 1

Основные направления зелёного перехода и возможные социально-экономические эффекты¹

Направление	Экономический механизм	Условие инклюзивного эффекта
Возобновляемая энергетика	Диверсификация генерации, инвестиции	Подготовка местных кадров и доступное энергоснабжение
Энергоэффективность	Снижение ресурсных издержек	Доступ малых предприятий и домохозяйств к технологиям
Водосбережение	Уменьшение потерь воды, поддержка сельского хозяйства	Финансовая доступность решений для малых хозяйств
Циркулярные практики	Вовлечение вторичных ресурсов, локальные цепочки	Безопасная занятость и участие малого бизнеса
Зелёное финансирование	Мобилизация частного капитала	Прозрачные условия и охват уязвимых регионов

Данные таблицы 1 показывают, что ни одно из пяти направлений не создаёт инклюзивного эффекта автоматически. Для возобновляемой энергетики таким условием выступает подготовка местных кадров и доступное энергоснабжение. Для энергоэффективности и водосбережения важен доступ малых предприятий, домохозяйств и малых хозяйств к технологиям и финансированию, для циркулярных практик нужны безопасная занятость и участие малого бизнеса, для зелёного финансирования требуются прозрачные условия и охват уязвимых регионов. Экономический механизм и социальный результат связаны через институциональные условия, которые требуют отдельного проектирования.

Государственная политика, инвестиции и территориальная доступность

Государственная программа реализации стратегии «Узбекистан - 2030» на 2025 год предусматривает развитие солнечной и ветровой энергетики, энергосберегающих технологий, установку солнечных панелей и развитие зелёного финансирования [14]. В исходных материалах приводятся ориентиры увеличения к 2030 году доли возобновляемых источников до 26% в производстве электроэнергии и до 40% в структуре генерирующих мощностей, а также показатели новых мощностей. В настоящей работе эти значения сохранены в качестве ориентиров, указанных в анализируемом нормативном источнике, без утверждения об их фактическом достижении.

Для инклюзивного развития важен не только совокупный объём вложений, но и пространственное распределение новых проектов. Инвестиции в сельские сети, надёжное электроснабжение, ирригацию и местную переработку продукции могут снижать инфраструктурные ограничения, препятствующие развитию предпринимательства. При этом включение показателей доступности услуг и создаваемых рабочих мест в оценку проекта позволяет связывать экологическую результативность с региональной политикой.

¹ Источник: авторская аналитическая систематизация на основе [11]; [12]; [14]; социальные эффекты приведены как потенциальные механизмы, а не измеренные результаты.

В водном секторе предусмотрена дополнительная ежегодная экономия 2,5 млрд м³ воды за счёт модернизации каналов и водосберегающих технологий [14]. Всемирный банк оценивал потенциальное увеличение сельскохозяйственного производства примерно на 4,6 млрд долл. США за десятилетие при ежегодной экономии более 1,8 млрд м³ воды в рамках климатически адаптированных мер [11]. Указанные показатели относятся к разным источникам и сценариям; их не следует складывать либо считать сопоставимыми фактическими результатами. Социальная значимость таких мер определяется тем, будут ли достижения сопровождаться стабилизацией доходов и расширением технологических возможностей небольших хозяйств.

Количественные ориентиры зелёной трансформации и вопросы их социальной оценки приведены в таблице 2.

Таблица 2

Экономические ориентиры зелёной трансформации и вопросы инклюзивной оценки¹

Показатель	Ориентир / оценка	Вопрос социальной результативности
Доля ВИЭ в выработке к 2030 г.	26%	Доступность и надёжность энергоснабжения
Доля ВИЭ в мощности	40%	Территориальное размещение мощностей
Новые солнечные и ветровые мощности	4,5 ГВт	Региональная занятость и подготовка кадров
Дополнительная годовая экономия воды	2,5 млрд м ³	Доступ малых хозяйств к водосбережению
Потенциальный прирост агропроизводства	4,6 млрд долл. США за 10 лет	Распределение выгод по типам хозяйств
Выгоды декарбонизации инфраструктуры	Более 178 млрд долл. США за 2023–2060 гг.	Доля выгод для уязвимых домохозяйств

Таблица 2 объединяет шесть ориентиров: долю ВИЭ в выработке электроэнергии к 2030 году (26%) и в генерирующих мощностях (40%), 4,5 ГВт новых солнечных и ветровых мощностей, дополнительную годовую экономию воды 2,5 млрд м³, потенциальный прирост агропроизводства на 4,6 млрд долл. за 10 лет и выгоды декарбонизации инфраструктуры свыше 178 млрд долл. за 2023–2060 годы. Каждому показателю поставлен в соответствие вопрос о распределении результата: надёжность энергоснабжения, размещение мощностей, региональная занятость, доступ малых хозяйств и доля выгод для уязвимых домохозяйств. Эти вопросы показывают, какие данные необходимо собирать, чтобы оценить социальную результативность приведённых ориентиров.

¹ Источник: показатели воспроизведены по [11; 12; 14] из исходной версии исследования; третий столбец — авторские направления дополнительной оценки.

Декарбонизация, распределение выгод и социальная справедливость

По приведённой в материалах Всемирного банка оценке совокупные выгоды декарбонизации инфраструктуры Узбекистана за 2023-2060 годы могут превысить 178 млрд долл. США Около 112 млрд долл. США связываются с предотвращёнными издержками, включая последствия загрязнения воздуха, аварии и ущерб в различных секторах, а примерно 66 млрд долл. - с экономией вследствие сокращения потребления ископаемого топлива [11]; [12]. Речь идёт о расчётных долгосрочных выгодах, а не о уже полученных доходах бюджета или домохозяйств.

С точки зрения социальной справедливости экологический эффект может быть особенно значим там, где население сильнее подвержено загрязнению и не располагает ресурсами для самостоятельной адаптации. Однако распределение предотвращённого ущерба между группами населения в использованных источниках не раскрыто. Для корректного вывода о сокращении неравенства необходимо сопоставлять изменения качества среды, расходов на энергию, состояния здоровья и доходов с социально-демографическими характеристиками домохозяйств.

Кроме потенциальных выгод, зелёная трансформация способна порождать переходные издержки: необходимость приобретения нового оборудования, профессиональной переподготовки, изменения технологий и тарифных условий. Поэтому справедливость перехода предполагает предварительную оценку того, какие отрасли и группы наиболее чувствительны к реформам. Компенсационные механизмы, адресное финансирование энергоэффективности и доступное обучение способны уменьшать риск неравномерного распределения таких издержек.

С этой точки зрения приоритет следует отдавать не любой экологической инвестиции, а проектам, которые одновременно снижают экологическую нагрузку, имеют обоснованный экономический эффект и включают конкретный механизм доступа к результатам для менее обеспеченных групп и отстающих территорий. Подобный подход позволяет рассматривать устойчивое развитие как сочетание эффективности производства, экологической безопасности и социальной включённости.

Занятость, малое предпринимательство и циркулярные цепочки

Расширение зелёных видов деятельности может создавать прямую занятость в строительстве и эксплуатации энергетических объектов, косвенную - у поставщиков оборудования и услуг, а также индуцированную - в сопряжённых секторах экономики. Вместе с тем чистый эффект для рынка труда зависит от возможного сокращения занятости в традиционных производствах и от квалификационного соответствия работников новым требованиям. Поэтому оценка должна учитывать не только количество создаваемых рабочих мест, но и качество занятости, её продолжительность, условия труда и территориальную доступность.

Малые предприятия могут участвовать в модернизации зданий, техническом обслуживании, ремонте, логистике вторичных ресурсов, переработке органических остатков и водосберегающих услугах. Именно такие локальные цепочки позволяют связать циркулярные принципы с расширением доходных возможностей населения. Для их развития необходимы стандарты безопасности, доступ к закупкам, финансовым продуктам и практической подготовке персонала. Утверждать, что перечисленные направления уже обеспечили снижение бедности, на основании имеющихся данных нельзя; речь идёт о возможных институциональных каналах.

Особое значение имеет участие женщин и молодёжи, населения сельских районов и работников с ограниченными возможностями перехода в новые профессии. Развитие профессионального образования, коротких программ переквалификации, консультационного сопровождения бизнеса и местных кооперационных моделей может способствовать более широкому участию в зелёной экономике. Результативность таких мер целесообразно оценивать по фактическому трудоустройству, изменению заработка и устойчивости предпринимательской деятельности, а не только по числу прошедших обучение.

Научная новизна и методическое предложение

Научно-методический вклад исследования состоит в обосновании необходимости рассматривать зелёный переход как взаимосвязанную систему экологических, экономических и распределительных эффектов. В отличие от подхода, ограниченного снижением выбросов, ресурсных затрат и объёмом инвестиций, предлагается включать в процедуру отбора и мониторинга проектов показатели охвата населения, территориальной доступности и справедливого распределения выгод.

Предлагается использовать пять взаимодополняющих групп критериев: (1) экологическая результативность - сокращение выбросов, отходов и нагрузки на природные ресурсы; (2) ресурсно-экономическая эффективность - экономия энергии, воды и производственных затрат; (3) инвестиционная реализуемость - привлечение капитала, финансовая устойчивость и развитие местных цепочек поставок; (4) трудовая инклюзивность - число и качество рабочих мест, участие местных работников и доступ к обучению; (5) социально-территориальная справедливость - изменение доступности услуг, охват малообеспеченных домохозяйств и различия в распределении выгод между территориями.

Для прикладной оценки могут использоваться доля местных работников в занятости проекта, число выпускников программ переподготовки, трудоустроившихся по специальности, доля малых предприятий среди подрядчиков, изменение расходов домохозяйств на энергоресурсы, доступность водосберегающих решений и охват социальной поддержки. Указанные переменные предлагаются как система будущего мониторинга; их численные значения в рамках данной статьи не рассчитывались.

Практическое предложение заключается во введении двухэтапной оценки зелёных инициатив. На первом этапе проверяются экологическая и финансово-

экономическая обоснованность; на втором — ожидаемые распределительные эффекты, риски для уязвимых групп и наличие компенсирующих механизмов. Такой порядок позволит избежать подмены инклюзивного результата общим ростом инвестиций. Для его внедрения потребуются сопоставимые региональные и домохозяйственные данные, а также мониторинг фактических результатов после реализации проектов.

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Зелёный переход обладает потенциалом стать фактором не только долгосрочного экономического роста, но и расширения социальных возможностей населения Узбекистана. Развитие возобновляемой энергетики, энергоэффективности, водосбережения и циркулярных практик может укреплять производственную устойчивость, формировать локальные цепочки добавленной стоимости и создавать спрос на новые компетенции. При этом сами по себе технологическое обновление и повышение инвестиционной активности не гарантируют сокращения социального неравенства.

Сохранённые в исследовании количественные ориентиры - доля ВИЭ 26% в выработке электроэнергии и 40% в генерирующих мощностях, новые мощности 4,5 ГВт, дополнительная экономия 2,5 млрд м³ воды ежегодно, возможный прирост сельскохозяйственного производства около 4,6 млрд долл. за десять лет и расчётные долгосрочные выгоды декарбонизации свыше 178 млрд долл. США - характеризуют масштаб экономических возможностей [11]; [12]; [14]. Их влияние на благосостояние отдельных групп должно оцениваться дополнительно.

Для достижения инклюзивных результатов необходимы доступные механизмы зелёного финансирования, участие регионального малого бизнеса, адресная поддержка уязвимых домохозяйств, профессиональная переподготовка и территориально сбалансированное размещение инфраструктуры. Целесообразно закреплять соответствующие социальные показатели в проектной документации и регулярно проверять их достижение. Таким образом, справедливый зелёный переход выступает не побочным результатом экологической политики, а самостоятельной целью, требующей специальных управленческих инструментов и измеримых критериев.

На основе проведённого анализа предлагается:

1. Включить в процедуру отбора зелёных проектов пять групп критериев: экологическую результативность, ресурсно-экономическую эффективность, инвестиционную реализуемость, трудовую инклюзивность и социально-территориальную справедливость.
2. Применять двухэтапную оценку, при которой после проверки экологической и финансово-экономической обоснованности оцениваются распределительные эффекты и риски для уязвимых групп.
3. Закреплять в проектной документации показатели доли местных работников, трудоустройства выпускников программ переподготовки, доли

малых предприятий среди подрядчиков и изменения расходов домохозяйств на энергоресурсы.

4. Сформировать сопоставимую базу региональных и домохозяйственных данных для мониторинга фактических результатов зелёных проектов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bowen, A., Kuralbayeva, K., & Tipoe, E. L. (2018). Characterising green employment: The impacts of 'greening' on workforce composition. *Energy Economics*, 72, 263-275. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2018.03.015>

2. Hallegatte, S., Bangalore, M., Bonzanigo, L., Fay, M., Kane, T., Narloch, U., Rozenberg, J., Treguer, D., & Vogt-Schilb, A. (2016). Shock waves: Managing the impacts of climate change on poverty. World Bank. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-0673-5>

3. Heffron, R. J., & McCauley, D. (2018). What is the 'Just Transition'? *Geoforum*, 88, 74-77. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2017.11.016>

4. Ianchovichina, E., & Lundstrom, S. (2009). Inclusive growth analytics: Framework and application (Policy Research Working Paper No. 4851). World Bank. <https://doi.org/10.1596/1813-9450-4851>

5. Kirchherr, J., Reike, D., & Hekkert, M. (2017). Conceptualizing the circular economy: An analysis of 114 definitions. *Resources, Conservation and Recycling*, 127, 221-232. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2017.09.005>

6. Markkanen, S., & Anger-Kraavi, A. (2019). Social impacts of climate change mitigation policies and their implications for inequality. *Climate Policy*, 19(7), 827-844. <https://doi.org/10.1080/14693062.2019.1596873>

7. Newell, P., & Mulvaney, D. (2013). The political economy of the 'just transition'. *The Geographical Journal*, 179(2), 132-140. <https://doi.org/10.1111/geoj.12008>

8. Ohlendorf, N., Jakob, M., Minx, J. C., Schröder, C., & Steckel, J. C. (2021). Distributional impacts of carbon pricing: A meta-analysis. *Environmental and Resource Economics*, 78(1), 1-42. <https://doi.org/10.1007/s10640-020-00521-1>

9. Vona, F., Marin, G., Consoli, D., & Popp, D. (2018). Environmental regulation and green skills: An empirical exploration. *Journal of the Association of Environmental and Resource Economists*, 5(4), 713-753. <https://doi.org/10.1086/698859>

10. World Bank. (2012). Inclusive green growth: The pathway to sustainable development. World Bank. <https://doi.org/10.1596/978-0-8213-9551-6>

11. World Bank. (2023a). Uzbekistan country climate and development report. World Bank. <http://hdl.handle.net/10986/40608>

12. World Bank. (2023b, November 21). Climate action could accelerate growth and improve living standards in Uzbekistan: World Bank Group report [Press release]. <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2023/11/21/uzbekistan-ccdr>

13. World Bank. (2024). Prime picks for a green pivot: Uzbekistan state funds for climate action. World Bank. <https://www.worldbank.org/en/country/uzbekistan/publication/state-funds-for-climate-action>

14. Указ Президента Республики Узбекистан от 30 января 2025 г. № УП-16 «О Государственной программе по реализации Стратегии «Узбекистан – 2030» в «Год охраны окружающей среды и «зелёной экономики»». <https://lex.uz/ru/docs/7369745>

Marketing

ilmiy, amaliy va ommabop jurnali

Muharrir:
Ingliz tili muharriri:
Rus tili muharriri:
Musahhih:
Sahifalovchi va dizaynerlar:

Turobova Hulkar Rustamovna
Oripov Mahmud Ashurovich
Xidirova Gavxar Rustamovna
Qudratov Aziz Dehqonboyevich
Sadikov Shoxrux Shuxratovich
Abidjonov Nodirbek Odijon o'g'li

2026-YIL, 24-25-SENTABR, MAXSUS-SON, V-VI-SEKSIYALAR

© Materiallar ko'chirib bosilganda "Marketing" ilmiy, amaliy va ommabop jurnali manba sifatida ko'rsatilishi shart. Jurnalda bosilgan material va reklamalardagi dalillarning aniqligiga mualliflar mas'ul. Tahririyat fikri har vaqt ham mualliflar fikriga mos kelavermasligi mumkin. Tahririyatga yuborilgan materiallar qaytarilmaydi.

Mazkur jurnalda maqolalar chop etish uchun quyidagi havolalarga murojaat qilish mumkin. Ilmiy maqola, ommabop maqola, reklama, hikoya va boshqa ilmiy-ijodiy materiallar yuborishingiz mumkin.

Materiallar va reklamalar pullik asosda chop etiladi.

Elektron pochta: info@marketingjournal.uz
Bot: [@marketinjournalbot](https://t.me/@marketinjournalbot)
Tel.: +99890 5125464, +998939266610

Jurnalning rasmiy sayti: <https://marketingjournal.uz>

Marketing jurnali O'zbekiston Respublikasi Oliy ta'lim, fan va innovatsiyalar vazirligi huzuridagi **Oliy attestatsiya komissiyasi rayosatining 2024-yil 04-oktabrdagi 362/5 sonli qarori** bilan milliy ilmiy nashrlar ro'yxatiga kiritilgan

"Marketing" ilmiy, amaliy va ommabop jurnali 2024-yil 15-martdan O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Administratsiyasi huzuridagi Axborot va ommaviy kommunikatsiyalar agentligi tomonidan **C-5669517** reyestr raqami tartibi bo'yicha ro'yxatdan o'tkazilgan. **Litsenziya raqami: №240874**

"Marketing" ilmiy, amaliy va ommabop jurnalining xalqaro darajasi: **9710**. GOCT 7.56-2002 "Seriya nashrlarning xalqaro standart raqamlanishi" davlatlaro standartlari talablari. **Berilgan ISSN tartib raqami: 3060-4621**